

УДК 172.12

МАНИПУЛЯТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.А. Макарьева, А.В. Блинов

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Дан обзор негативных характеристик толерантности, которые способствуют реализации ее манипулятивного потенциала. Несмотря на внешне положительный образ, толерантность является неоднозначной и парадоксальной категорией. Отмечено своеобразное влияние СМК на восприятие российскими гражданами определенных демократических ценностей, идей толерантности в России.

***Ключевые слова:** толерантность, принцип толерантности, манипулятивный потенциал, средства массовой коммуникации.*

В современной России термин «толерантность» не так давно стал широко использоваться в научном и публицистическом поле, причем трактоваться по-разному. Если в научной литературе интерпретации данного понятия различны и толерантность может рассматривать в психологическом, социологическом или философском аспектах, то в публицистике его эксплуатируют по самым различным поводам и с содержанием столь широким и неочерченным, что оно приобретает манипулятивные свойства, меняется в зависимости от контекста. В настоящее время можно говорить об определенной моде на «толерантность», в средствах массовой коммуникации (СМК) этот термин употребляется по самым разнообразным поводам, становится синонимичным демократичности, открытости новому и незащоренности и часто сводится лишь к национальной и расовой толерантности.

В самом факте вольной эксплуатации популярного термина нет ничего удивительного для глобализированного мира, но, несмотря на кажущуюся банальность вопроса, анализ этого феномена представляется важным, поскольку вскрывается возможность использования понятия «толерантность» в интересах определенных социальных групп и структур. Организация соответствующего информационного сопровождения и необходимой направленности термина делает его мощным инструментом для разрешения или обесценивания социальных конфликтов.

В современной нам российской действительности понятие «толерантности» скрыто, а иногда и откровенно манипулятивно. Как подчеркивают почти все исследователи данного феномена, этот вопрос осложняется наличием в русском языке близкого, но не совпадающего по содержанию термина «терпимость». В.И. Даль определяет его как способность кого-то или что-то терпеть «...только по милосердию, снисхождению» [10]. Терпимость, каким образом, определяется как лично-

стное свойство, способность быть терпимым. Но слово «терпимость» в настоящее время как в обиходном, так и в научном языке выходит из употребления.

Толерантность же – это если и терпимость, то совершенно особого рода. Декларация принципов толерантности ЮНЭСКО определяет её следующим образом: «...ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям» [4]. Современные научные издания в России рассматривают ее как «...терпимость к лицам, социальным группам, институтам, мнениям и практикам, которые считаются отклоняющимися от нормы» [8]. Таким образом, содержание этого термина изначально достаточно широко и не ограничивается национальной, расовой или религиозной терпимостью. Но, будучи вырванным из контекста, термин «толерантность» теряет как четко выраженное содержание, так и объем. С подачи российской публицистики он приобретает сугубо положительные коннотации, тогда как «интолерантность» (ошибочно приравненная к нетерпимости) наполняется только отрицательным смыслом. Безусловно, это очень упрощенный подход. Большинство исследователей толерантности указывают на существование грани, за которой толерантность начинает противоречить здравому смыслу, а интолерантность носит охранительную функцию.

В.В. Тишков указывает, что манипулятивное использование термина «толерантность» в самом деле может в определенной степени помочь снизить социальную, экономическую и политическую активность этнических групп и отдельных слоев населения» [9, с. 375]. Причем призыв к толерантности, по его мнению, исходит от социальных групп, заинтересованных в сохранении status quo в данном отношении. Таким образом, манипулирование понятием «толерантность» и связанными с ним смысловыми терминами (такими, как гражданское общество и социальное партнерство) позволяет добиться определенных социальных эффектов ненасильственными методами. С.Г. Ильинская отмечает, что такие понятия появились и стали активно эксплуатироваться одновременно с распадом СССР и сопутствующими политическими и социально-экономическими реформами [6].

Термин «терпимость» по сравнению с термином «толерантность» в быденном смысле является несколько более гибким, оставляющим хотя и неопределенную, но все-таки границу между тем, что можно, и тем, что нельзя терпеть. Причем в последнем случае отсутствует та негативная окраска, которая характерна для восприятия «интолерантности».

В научной литературе близость этих терминов приводит к тому, что «толерантность» и «терпимость» в переводах иностранной литературы по этому вопросу воспринимаются как синонимичные. Это приводит к искажениям смыслов, вложенных автором, естественным образом отличающихся от тех, что вложены в понятие «терпимость». Различие общественной практики наполняет схожие по содержанию понятия социально детерминированным своеобразием и различными смысловыми нюансами, что приводит к тому, что каждое из них по-своему влияет в рамках той или иной социальной и культурной реальности на поведение человека.

В России, по мнению Г.Д. Дмитриева (которое поддерживается подавляющим большинством аналитиков), «наблюдается низкий уровень поддержки принципов толерантности» [5, с. 27]. В то же время исследователь признает, что «фиксация степени интолерантности и толерантности в различных регионах представляется довольно сомнительным делом, поскольку индикаторы этих явлений довольно расплывчаты и изменчивы» [там же, с. 32].

Измерение толерантности в самом деле сопряжено со значительными сложностями, поскольку, как представляется, значительное число респондентов находятся в ловушке «спирали молчания» и существующее в этом отношении проблемное поле не так часто проявляется. То, что сложно определить, оказывается столь же сложно измерить, а в отношении возможности создания некоего единого концепта толерантности ученые не сходятся во мнениях. Энтони Гидденс в своем «Ускользающем мире» оптимистично предполагает, что «космополитическая толерантность» имеет шанс на торжество над фундаментализмом. Другие, напротив, считают, что «...нет и не может быть межцивилизационных, межкультурных концептов толерантности» [3, с. 233]. П.Л. Бергер также утверждает, что толерантность «...относится к определенной ситуации и в отрыве от нее оказывается бессмысленной». Точка зрения сторонников культурной и социальной обусловленности толерантности представляется более адекватной [1].

В.В. Тишков справедливо отмечает, что спекуляция термином «толерантность» в СМК на практике ослабляет те этнические группы, для которых изначально характерен высокий уровень терпимости, дальнейшее культивирование которой может привести к потере идентичности. Причем этот процесс не зависит от численности группы и ускоряется в условиях аномии и селективности применения законов. Автор указывает и на возможность проявления интолерантности меньшинства по отношению к большинству при условии уверенности в толерантности этого большинства [9].

В то же время «разные общества и традиции, а также разные ситуации делают границы насилия крайне размытыми: то, что в одной культуре есть безусловное насилие, в другой вполне терпимая и даже

приветствуемая норма» [9, с. 375], а следовательно, как содержание, так и проявления толерантности будут в этих обществах различными и в каждом случае культурно обусловленными. Искусственное наращивание уровня толерантности становится в таком случае угрозой, разрушает сформировавшиеся в обществе представления о допустимом и недопустимом.

Толерантность и интолерантность – понятия диалектические и не могут существовать по одиночке. Интолерантность является иногда единственным способом добиться толерантности от других, отстоять свои позиции и сохранить свой статус. И в таком смысле, будучи воспринятой как мобилизационный механизм, интолерантность представляется совершенно нормальной групповой реакцией на изменение внешнего пространства, становится для группы возможностью сохранить себя, свою идентичность как целое.

Присущий различным группам уровень толерантности определяется, безусловно, не только социокультурными факторами. Он поддается как укреплению, так и расшатыванию при помощи «языка вражды», используемого для дезинформации граждан о сущности происходящих изменений. Причем большинство исследователей сходятся в том, что «язык вражды» упрощает выстраивание вертикали власти в обществе. PR-технологии, целенаправленная информационная политика СМК в современном обществе позволяют заинтересованным группам контролировать коммуникативное пространство.

Облечённые властью социальные группы стараются упрочить или хотя бы сохранить свое положение и не стесняются в выборе способов дискредитации своих политических оппонентов. В настоящее время мы имеем возможность наблюдать этот процесс в действии. Оптимально подходит для этих целей сеть связанных понятий либерального дискурса (демократия – гражданское общество – социальное партнерство – толерантность – права человека и т. д.). Практически, элитные группы формируют среди «масс» вполне определенное социальное мышление и мировосприятие, определенную не вполне рациональную программу поведения, когда люди действуют или бездействуют вопреки собственным интересам.

А.А. Возьмитель, например, прямо указывает, что именно «под заклинания о свободе, народовластии, правах человека в России появился новый политический мутант – криминальная плутократия в форме олигархии, маскирующаяся под демократию» [2, с. 112]. Публицист Б. Райшустер использует для характеристики этого режима емкий неологизм «демократура» [14].

Понятия, которые анализируются в нашей статье, являются, с позиции формальной логики, недостаточно определенными, не обладающими четкими содержанием и объемом. Но, несмотря на это, будучи многократно повторенными в положительном контексте в СМК, они

становятся почти гипнотическими и в сознании большинства окрашены только позитивно. «Язык есть эффективное средство внедрения в когнитивную систему реципиента концептуальных конструкций, часто помимо сознания реципиента, и поэтому язык выступает как социальная сила, как средство навязывания взглядов. Особое значение эти обстоятельства имеют в конфликтных ситуациях при неполной и недостоверной информации» [13, с. 7]. То, каким образом ситуацию описывают СМК, может оказывать очень большое влияние на формирование модели ситуации в массовом сознании, а через это менять также и фактическое положение дел. С помощью языка СМК онтология мира парадоксально трансформируется. «Модели мира и знаний участников ситуации становятся не менее, а, может быть, даже более “вещественны”, чем внешние, объективно определяемые обстоятельства» [там же, с. 7].

В интересующем нас контексте язык является не только средством коммуникации, но и средством социального контроля. Ценности, усвоенные посредством языка, непосредственно влияют на социальное поведение. Появление таких аморфных терминов, как толерантность, «коррумпирующих» язык, ведут к потере возможности для социально слабой части населения улучшить свое положение. Ведь протестное поведение интолерантно, а разумным способом решения проблем являются демократические процедуры, формальность и иллюзорность которых в современной России ни для кого не секрет. Толерантность совершенно парадоксальным образом становится одновременно и ценностью, и инструментом для разрешения социальных конфликтов. Следует отметить также еще один важный для понимания толерантности момент: даже для принадлежащих к одной культуре людей характерно еще и индивидуальное измерение толерантности, которое не константно, а меняется на протяжении жизни отдельного человека. Индивидуальное измерение толерантности еще больше усложняет возможность дать этому понятию четкое определение. Учитывая сказанное выше, следует признать, что четко определить понятие «толерантность» крайне сложно. И именно эта сложность делает его очень удобным для манипуляции.

Структурируемая в массовом сознании реальность деформируется целой сетью манипулятивных понятий, предлагает совершенно новые идентичности, ориентированные скорее на форму, чем на содержание. А, как указывает Н.Н. Федотова, толерантность тесно связана с идентичностью. «В противоположность расхожему мнению, что разрушение идентичности повышает толерантность, мы утверждаем обратное: только люди и народы, знающие, кто они такие, способны быть толерантными к другим» [11, с. 15]. Принимая предлагаемые СМК идентичности, человек становится объектом манипуляции, реализуя себя в «мейнстриме», становится «массовым человеком». Манипулирование идентичностью становится в этом случае инструментом социального

контроля, а «толерантность» становится частью манипулятивного арсенала.

Открытым остается вопрос о единстве социокоммуникативного поля в России. Представляется, что оно скорее состоит из различных полей, лишь частично пересекающихся друг с другом, а иногда и вовсе изолированных, причем дистанция между ними неуклонно возрастает как в отношении коммуникативном, так и в отношении социальном. Процесс коммуникации между различными социальными стратами, таким образом, затруднен и недостаточно адекватен. Внедрение в это и без того разнородное коммуникативное пространство манипулятивных понятий меняет его характеристики и препятствует взаимопониманию.

Идею мультикультурализма, тесно связанная с концептом «толерантность», сложно оценивать однозначно. Даже в странах, в целом благополучных, реализация этих идей на практике столкнулась с серьезными экономическими и социальными проблемами, кризисом идентичности. «Национальной идентичности пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным. Люди стремятся объединяться с теми, с кем они схожи и с кем делят нечто общее, будь то расовая принадлежность, религия, традиции, мифы, происхождение или история. В США эта фрагментация идентичности проявилась в форме мультикультурализма, в четкой стратификации расового, «кровного» и гендерного сознания. В других странах фрагментация приобрела форму субнациональных движений за политическое признание, автономию и независимость» [12, с. 31]. С.Г. Ильинская в своём труде «Специфика толерантности в России» [6] утверждает, что ситуация усугубляется историческим наследием советского прошлого, когда вопрос о национальной идентификации был вытеснен на периферию идеей единого советского народа. По мнению автора, значительная часть этого самого народа все еще находится под влиянием связанного с распадом СССР культурологического шока [там же, с. 204].

Итак, в современной России концепт «толерантность» сопряжен с рядом относящихся к либеральному дискурсу понятий. Эта «понятийная сеть» с трудом накладывается на действительное положение дел и в значительной степени способствует искажению восприятия действительности в массовом сознании. Хотя существование в социальной реальности явления толерантности объективно необходимо, обозначающее его понятие за счет неопределенности своего содержания является удобным инструментом манипуляции и нередко используется СМК для снижения в рамках государства активности социально ущемленных групп населения.

Список литературы

1. Бергер П.Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива: пер. с англ. / под ред. Г.С. Батыгина. М.: Аспект-Пресс, 1996. 168 с.
2. Возьмитель А.А. Глобализирующаяся Россия // Мир России. 2004. № 1. С. 14–19.
3. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.
4. Декларация принципов толерантности [Электронный ресурс]. URL: www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php/ (дата обращения – 15.07.2014 г.).
5. Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование. М.: Народное образование, 1999. 208 с.
6. Ильинская С.Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М. Праксис, 2007. 288 с.
7. Пайгунова Ю.В., Гулова Ф.Ф. Этнокультурные детерминанты толерантности как ценностного образования личности // Тезисы докладов и выступлений на II Международном конгрессе конфликтологов «Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры мира и согласия». СПб.: Наука, 2004. Т. 2.
8. Рязанов А.В. Манипулятивный потенциал концепта «толерантность» // Философия и общество. 2007. № 1. С. 82–97.
9. Тишков В.В. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
10. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://slovar-dalja.ru> (дата обращения – 12.07.2014 г.).
11. Федотова Н. Н. Толерантность как мировоззренческая и инструментальная ценность // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 5–27.
12. Хатингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Праксис, 2004. 576 с.
13. Шабанова, М. А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. 2001. № 3 . С. 78–104.
14. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. 313 с.

MANIPULATIVE CONTENT OF TOLERANCE IN RUSSIAN FEDERATION

A.A. Makaryeva, A.A. Blinov

Tver State Technical University, Tver

The article reveals negative characteristics of tolerance that contribute to its manipulative potential. Despite its overall positive image, tolerance can be described as having ambiguous and paradoxical nature. The authors of the article pay special attention to specific influence of mass communication on perception of particular democratic values, ideas of tolerance by the Russian citizens.

Keywords: *tolerance; the principle of tolerance; manipulative potential, mass communication.*

Об авторах:

МАКАРЬЕВА Анастасия Александровна – кандидат философских наук, ст.преп. кафедры психологии и философии ФГБОУ ВПО «Тверской государственной технической университет», Тверь. E-mail: sehmetraz@gmail.com

БЛИНОВ Артем Валерьевич – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВПО «Тверской государственной технической университет», Тверь. E-mail: a_blinov@mail.ru

Authors information:

МАКАРЬЕВА Anastasia Alexandrovna – Ph.D., lecturer of the Psychology and Philosophy of Tver State Technical University, Tver. E-mail: sehmetraz@gmail.com

BLINOV Artem Valeryevich – Ph.D. Student of the Dept. of Psychology and philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: a_blinov@mail.ru